

Пролог

Среди бескрайних полей да на зелёных холмах стоит славный город Ростов, синим небом накрытый да ясным солнцем обласканный. Меж холмов тех на три стороны лента-речка течёт. Хоть и мал городок, да мирно и радостно здесь жить. Девыцы ремеслу учатся да хороводы водят, а бабы по хозяйству хлопочут. Молодцы и мужики — кто коров пасёт, кто поля косит, кто по наковальне стучит. А после трудов милое дело — выпить чарку да пойти врукопашную. В общем, каждый при деле.

А среди домов деревянных, частоколом редким опоясанных, стоит церквушка с колокольной, и служит там поп. Сын попов, Алёшей окрещённый, всем хорош — статный, на лицо светлый и удалю молодецкой не обделён. К тому же честный и скромный малый. Это я про себя говорю, если вдруг вы ещё не догадались.

Родился я крепким и рос не по дням, а по часам. А силушка моя и того быстрее. Пока я был мал, пытались меня грамоте учить, да ничего из этого не вышло. Тосковал я над книгами и, как мог, от науки бегал. Батюшка мой повздыхал, поохал, да в конце концов смирился.

С малых лет тянуло меня на подвиги, так и начал я учиться ратному делу. Мечтал богатырём стать. Но и тут без оказий не обошлось.

Сперва пытался я меч деревянный освоить. Какой может быть

богатырь без верного меча? Так усердно я оружием махал, что как-то раз выскочило оно из руки да улетело в соседский хлев. Прямо к бабке, которая всегда за моими проказами смотрела. Меня тогда бабка за ухо к родителям отвела, чтобы пожаловаться.

Когда я немного подрос, то решил с луком упражняться. Была у нас соседская девчонка Любава — той самой строгой бабки внучка. Посадил я её на ослика, а на голову ей яблоко положил. Для интересу да чтобы удаль да отвагу свою девице показать. Но не успел я толком прицелиться, как откуда ни возьмись появилась бабка Любавина. Стащила внучку с ослика да собой закрыла — откуда только такая прыть взялась? Ну и вонзилась стрела бабке в такое место, про которое и говорить-то неловко.

Помню ещё, когда стал постарше, молодцы местные стенка на

стенку пошли. А я чем хуже? Бросился к ним, схватил коромысло, что рядом оказалось, и стал махать им не глядя. Ох и славно я тогда размялся, всех положил! Вот только бабку Любавину, которая с тем коромыслом мимо шла, я тоже среди битвы зацепил. Нехорошо, конечно, вышло.

Да, частенько меня к родителям за ухо приводили, частенько стоял я в дальнем углу терема. Меня туда батюшка в наказание отправлял. Хорошо хоть Тихон, дядька любимый, которого приставили за мной смотреть, всегда рядом был. Сидел на лавке да вздыхал тяжело. А я был только рад: не так тяжело жить, когда есть с кем наказание разделить.

С тех пор немало годов прошло. Теперь я богатырь русский, и всюду на родной земле мне почёт и уважение. И сказ этот о том, как я почёт тот заслужил, родину свою от супостата избавив.

Глава

~ 1 ~

Ходили по Ростову тревожные вести, что торговцы приезжие принесли. Мол, повадились войска тугарские землю русскую топтать, города разорять да людей неволить. Вот и Ростов наш напасть басурманская стороной не обошла.

Как-то утром затряслась земля под вражьими сапогами, и рухнули городские ворота под напором орды. Прискакала сила чёрная с кинжалами да саблями и вручила

нам грамоту от Тугарина. А в грамоте наказ — к следующему утру приготовить дань золотом.

Закручинился народ ростовский, да и сам я затосковал. Откуда взять столько золота? И как же это — всё нажитое врагу отдать? А если оброк не платить, то разорят басурмане город, как пить дать разорят.

Зачесались у меня тогда кулаки. Но куда мне одному бороться с ордой? Мужики наши держать оружие не приучены, им привычнее молот да плуг. А кто моложе, хоть силой своей и хвалятся, а против врага с саблей не сдюжат.

Город затих. Стихли песни и разговоры. Только мычание коров да квохтанье кур было слышно. Весь люд ростовский собрался у частокола, чтобы совет держать. Мы с Тихоном прикатали большую бочку, чтобы кто хочет мог своими мыслями поделиться. Дядька взбрался на неё и саблей приколол

к столбу злосчастную грамоту, что супостат оставил.

— Ну, что делать будем? — обратился Тихон к народу, что вокруг столпился. Люди принялись шептаться, но никто вперёд не вышел. Нет, так дело не пойдёт.

Я вскочил на бочку, потеснив Тихона, и стал сам речь держать.

— Ой ты, люд ростовский! Ты послушай меня, Алёшу Поповича, сына попа соборного! — говорил я, всё больше распаляясь. — Доколе ж нам, людям русским, терпеть супостата недоброго? Защитим жён да детей своих, постоим за землю русскую! — Я широко взмахнул рукой и смахнул щуплого Тихона с бочки.

— Ты если что конкретно предложить хочешь, так говори, — крикнула из толпы Любавина бабка, тыча клюкой в мою сторону. — А ежели так языком чешешь, то слазь с бочки, не дури людям головы.

Так уж вышло, что у меня было что людям предложить. Когда тугары ушли, мы с дядькой посидели, поразмыслили и придумали, как ростовское золото сохранить. Так что Тихон, взобравшийся на бочку обратно, только улыбнулся на бабкины слова.

— Тихон, друг сердешный! Неси нашу мысль, на бумаге изложенную. Представим её на суд людской! — воскликнул я.

Тихон только того и ждал. Он порылся за пазухой и вытащил листок, который и выставил на всеобщее обозрение. План наш мы с дядькой в картинках изобразили, для народа простого.

— Мы войска тугаринские хитростью возьмём, — стал объяснять я. — Соберём им оброк золотом, оброк тот положим в пещеру, что под Баюн-горой. А как войско тугаринское туда войдёт, то мы ловушку нашу камнем-то и прикроем! — Я ударил пальцем по ли-

сту, проткнув его насквозь, и рассмеялся, гордясь своей смекалкой. Тихон захихикал вслед за мной.

— Так ведь а золото мы как обратно из пещеры заберём? — крикнула Любавина бабка.

— Золото? Так это... — Я почесал в затылке. Об этом мы как-то не подумали. Я покосился на Тихона, но тот только плечами пожал.

Но тут на помощь пришла Любава, умница моя.

— А давайте подождём, пока там басурмане с голоду сдохнут, — звонко крикнула она. Народ ахнул. Любава, похоже, спохватилась, что не пристало девице такие слова говорить, смущённо потупилась и добавила тише: — Ну или ослабнут.

Мысль была хороша. Я даже рассмеялся от радости и от облегчения. Да и люди ростовские сразу оживились. Кто-то принялся в ладоши хлопать, кто-то родных обнимать. В воздух шапки полетели.

Да и у меня на душе спокойно стало. Ну и что, что не мог я с тугарами силой сравниться? Ум и хитрость порой острее меча бывают.

После совета мы не медля принялись план наш в действие приводить. Народ ростовский по домам разбежался, золото из закровов да из сундуков доставать. Никто добро своё не прятал. У кого что было, на площадь начисто снесли и в кучу сложили. Чего там только не было: серёжки да браслеты, червонцы да утварь старинная. Бабка Любавина даже зуб свой единственный золотой в кучу бросила. А отец мой, поп, церковный колокол со звонницы снял. В него мы весь оброк и сложили — для удобства, значит.

Мужики ростовские, кто покрепче, колокол окружили, крякнули, подняли на плечи да понесли его к горе. Бабы с детьми следом поплелись. Тихон впереди шёл, руководил и дорогу указывал.

А я первым налегке шагал, как на-
стоящему герою и полагается.

Отец мой по пути у тропинки
указатель поставил: на дощечке
рисунок с золотом. Это чтоб Туга-
рин сразу в пещеру шёл и город не
тревожил.

Тропинка скоро кончилась,
и мы пошли по подъёму пологому,
что вёл к Баюн-горе. Гора та была
невелика, с трёх мужчин высотой.
А у подножия её вход в пещеру
зиял. Туда нам и предстояло золо-
то ростовское прятать и басурман
подлых заманивать.

Когда народ внутрь вошёл, что-
бы оброк на место положить, я от-
правился подходящий камень
искать. Нашёлся он быстро. Кру-
глый, в два моих роста высотой,
ровно как вход в пещеру. Подна-
тужившись, я его на обрыв над пе-
щерой прикатил.

Тем временем люди ростовские
как раз наружу вышли. Они на
меня с камнем посмотрели, по-

кричали одобрительно да, при-
танцовывая, обратно в город от-
правились. Я их с горы взглядом
проводил — благо, отсюда весь
Ростов как на ладони виден был.
Только дядька мой с ними не по-
шёл, а рядом со мной уселся. Оста-
лись мы с ним вдвоём Тугарина
дожидаться. А люди в церкви со-
брались, чтобы нашествие орды
переждать да помолиться за успех
нашего дела.

Вечер быстро пролетел, и насту-
пила ночь тёмная, полнолунная.
Дядька на камне растянулся и за-
дремал. Решил и я поспать, что-
бы время скоротать и к утру сил
набраться. Уселся, к камню спи-
ной прислонившись, да так вскоре
и заснул.

Разбудил меня Тихон, с камня
рухнувший, да дрожь скалы подо
мною.

— Пожаловало племя басурманское, — сказал дядька, сжимая кулаки.

Я ахнул и забрался на камень, чтобы рассмотреть получше.

По тропе скакали басурмане. Те, что впереди ехали, самого Тугарина в паланкине несли. Он был огромен, высок и широкоплеч. Чёрные как смоль волосы и усы до самой груди свисали. А за спиной Тугарина торчали рукояти двух сабель.

Там, где войско проходило, свет дневной мерк и на небо туча чёрная набегала. А под копытами их лошадей земля дрожала на версту вокруг. Тугары встали у указателя с золотом, помедлили мгновение и напрямиком к горе направились.

— Иго чёрное. Недолго им пировать осталось, — сказал я злобно. — Сейчас отведают силушки богатырской!

Тугары скоро до пещеры добрались и внутрь зашли. Я спрыгнул и в камень руками упёрся. Тихон

тоже в стороне не остался, и принялись мы вдвоём толкать. Но как ни тужились, камень, который я наменил один катил, даже вдвоём мы сдвинуть не могли. Неужто тугар испугались да от страха ослабли? Я уж и спиной упирался, и плечом, но безуспешно.

Тут я переживать начал. Неужто весь план наш псу под хвост пойдёт? Но вдруг я заметил, как с нашей стороны под камень букашка заползла и лапками упёрлась. Истину говорят: когда дело правое делаешь — сама природа-матушка помогает. Камень сразу поддался и с обрыва вниз рухнул. Я выглянул из-за края. Камень так надёжно пещеру запечатал, что ни щёлочки басурманам не осталось.

Тихон довольно руки потирал.

— Ага, отведали силушки богатырской! — обрадовался я и от большого чувства ногой топнул. Но не вспомнил я тогда про удаль свою богатырскую. Гора под моим

сапогом затряслась, камень сдвинулся и вниз по склону покатился. Прямиком к городу! Басурмане с гиканьем повалили наружу, но нам с Тихоном было уже не до них.

Мы бросились камень догонять, но куда нам! Тот запрыгал по холмам: высоко взлетал и с огромной силой вниз обрушивался. Мы с Тихоном встали как вкопанные. Разинув рот, мы смотрели, как камень падает на городские ворота и снова взлетает. Один за другим он смял избы, сараи и колодцы и наконец рухнул на церковь. Я похолодел. Там же весь люд ростовский собрался! Неужели я своими руками народ свой погубил? Я припустил к городу, и Тихон за мной.

Но тут камень треснул и разлетелся на мелкие камушки, открывая целёхонькую церковь. Двери церковные распахнулись, и вышел мой отец, стуча половником о таз заместо колокола. За ним осталь-

ной народ наружу повалил, и все как один ахнули.

Да, тяжёлая картина им открылась. От домов одни обломки остались. А ворота городские, которые мы только после тугар на место поставили, вовсе в щепки разнесло.

Мы с Тихоном как раз успели до церкви добежать. Все взгляды на нас обратились. А нам и сказать было нечего.

— Да на кол их посадить! — крикнул кто-то из толпы.

Мы с Тихоном ахнули.

С уходом Тугарина небо прояснилось, но на душе у меня было пасмурно. Губить нас с Тихоном не стали — всё же намерения у нас были добрые. Но бока намяли знатно. И у реки за городом пару кольев вбили — для устрашения.

У той реки и уселись мы с Тихоном, спинами к кольям прислонив-

шись. Не хотелось мне в город возвращаться, слышать, как люди обо мне судачат. Да и стыдно было — столько хвалился, а в итоге только хуже сделал. Эх!

Сидели мы с Тихоном молча, ноги в реку опустив. В сапоги мне вода затекла, но я её и не заметил даже. Не до того было. Тяжёлые думы меня одолели.

— Смотрю на народ наш и удивляюсь, — затынул Тихон. — Откуда у них столько злости?

— Это они из-за золота так расстроились, точно тебе говорю, — вздохнул я.

— Да, золото портит людей, — глубокомысленно произнёс Тихон и налепил мне на лоб холодную тряпицу, смоченную в реке.

Хоть я и знал, что дядька утешить меня пытался, но не мог я с ним согласиться. Чего людей винить, когда я один всё испортил? Нет, так дело не пойдёт. Чем сидеть и горевать, лучше ошибку

свою исправить. Разве нет у меня чести богатырской?

Я ещё немного поразмыслил и наконец решился. Поднялся на ноги и тряпицу со лба в реку бросил.

— Так вот, Тихон! Покуда золото да имя своё доброе не верну, мне в городе делать нечего. — Я нагнулся, чтобы воду из сапога вытряхнуть. — Прощай, Тихон.

— Да... Да как же я тебя, Алёшенька, одного отпущу? — забеспокоился Тихон. — Батюшка с меня голову снимет!

Хоть и жаль было тревожить отца и мать, не мог я так всё оставить.

— Ты, Тихон, воротись домой, — сказал я, опрокинув второй сапог, — и объясни всё батюшке с матушкой. Некому, кроме меня, Тугарина Змея одолеть.

И пошёл я прочь по тропе в сторону леса, куда Тугарин с войском ускакал. Тихон мне в спину поприв-

читал, да скоро притих. Последний раз обернувшись, я увидел, как дядька в город пролазит через дыру в частоколе. Видать, пошёл батюшке с матушкой докладывать, как я и просил. Теперь уже не оставалось мне пути назад. Проводив дядьку взглядом, я отвернулся и быстрее зашагал.

Глава

— 2 —

Войдя в лес, я сбавил шаг, чтобы о ветку или бревно не споткнуться. По сторонам стояли ели, то зелёные, то засохшие, с жёлтыми ветками, а то и вовсе лысые. Кое-где лежали поваленные деревья, поросшие грибами-вешенками. Я уверенно пошёл по тропе передо мной, солнцем освещённой.

Забравшись глубже, я нашёл дерево с надёжным, крепким стволом. Верхушка его терялась в высоте. На неё я и забрался, чтобы